

Министерство культуры Самарской области,
Самарская областная универсальная научная библиотека
и Самарская областная писательская организация
представляют в проекте
«Народная библиотека Самарской губернии»
книгу

Татьяна Кижайкина

*Для того
и живём*

Русское эхо
2021

ББК 84 (2 Рос=Рус) 6
К 38

Кижайкина Т.В.

К 38 Для того и живём: стихи. — Самара: Творческое объединение «Русское эхо», 2021. — 160 с.

ISBN 978-5-9938-0046-2

«Для того и живём» — седьмая книга поэзии Татьяны Кижайкиной, где автор тщетно пытается связать несвязуемое, сочетать несочетаемое и отыскать иллюзорное счастье. Член Союза писателей России. Живёт в городе Чапаевске Самарской области.

ISBN 978-5-9938-0046-2

© Кижайкина Т.В., 2021

© Русское эхо, 2021

Всё это было у меня

Помаху вслед бегущим трамваям,
Мне светло и тепло, как в раю.
Ну и пусть говорят, допеваю
Я последнюю песню свою.

Пусть жилось, как жилось — не богато,
Сколько Богом отпущено лет.
Падал снег, невесомый, как вата,
Покрывая мой маленький след.

Пусть не застила людям дороги
И чужих не срывала цветов,
И по меркам живущих — убогим
Не плела стопудовых оков.

Пусть детей и Отчизну любила,
И ещё кого — вслух не скажу.
Всем моим — тем, что есть и что было,
С каждым годом сильнее дорожу.

И моя тоже искорка вроде
Малый свет зажигала во мгле.
Потому в этот мир и приходим,
Для того и живём на Земле.

А этот маленький причал
Для ожидающих участия
И есть начало всех начал —
Приют потерянного счастья?

Иль продолжение игры,
Что, может, выдумали сами,
Где одинокие миры
Глядят потухшими глазами

На то, как дальняя звезда
Глотает пыль седых столетий?
Как утомительна езда
Дорогой горестных отметин

Больших потерь, где жизнь — вода
От жарких грёз и до остуды,
Почти в неведение — куда
И невозможности — оттуда.

То кресты начерчу, то нули,
Перепутав концы и начала.
Это кто семафорит вдали
И к последнему гонит причалу?!

Вспоминая тропинки во ржи,
Обозначу заглавные точки,
Чтоб моя несуразная жизнь
Поместилась в банальные строчки.

Всё я знаю о ней наизусть,
Но порядок земной не нарушу.
От того и Вселенская грусть
Накрывает, как облаком, душу.

И опять прилетают грачи.
Они вечны, как горы и камень.
Ну а нам, хоть и Маркса учи,
Всё равно помирать дураками.

Лет протекших штрихи и приметы,
Где не властны слова и узда,
Бережёт наша память билеты
На исчезнувшие поезда.

Значит, есть непреложное сходство
С тем, что выстрелит тихо и вдруг.
Мы, с рожденья глотая сиротство,
Кормим птиц заплутавшихся с рук,

Понимая, что счастья на свете
Не бывает, как солнца во мгле.
Но опять, словно малые дети,
Тщётно ищем его на Земле.

Сокрушаясь о давнем и сущем,
С вечным грузом утрат на плече,
Всё спешим и спешим за идущим,
Хоть и сами не знаем зачем,

От добра или, может быть, худа
Убегает живая вода.
Мы пришли в этот мир ниоткуда
И уйдём неизвестно куда...

Я мотаю в клубочки года,
Всё, что есть и что было вначале,
И размочит живая вода
Мои слёзы, любовь и печали.

И ступая по тонкому льду,
Что-то важное в жизни утрачу,
Но туда я уже не пойду,
Где ничто для любимых не значу.

Пролистав свою книгу судьбы,
Невесёлые вырву страницы,
И слетятся по зову трубы
Ко мне самые звёздные птицы.

Жизни новой узоры сотку,
Только прошлое, нет, не отпустит.
Буду пить по глоточку-глотку
С чаши памяти, света и грусти.

А мне давным-давно
                                не тридцать
И далеко за сорок пять,
Пора б уже остепениться
И книгу Вечности листать.

Что предсказания и знаки,
Когда живу не по уму —
Сочувствую чужой собаке
И горько плачу над Муму.

И, раскрывая настежь сени,
Деревьям радуюсь, траве,
Зверью, как пел поэт Есенин,
И я не бью по голове.

Машу, прощаясь, птичьим стаям
и света луч ищу во мгле.
Вот так живу, живу и таю,
Как снег вчерашний, на земле.

Как безлюден и тих мой дом,
Где и память — в узлы тугие,
И где ведаю я о том,
Что не знают пока другие.

Пусть что грезилось — не сбылось,
Не сомкнулось и не связалось,
Пусть исхлёстана вся насквозь
С кем любилось, а не казалось.

И теперь, на исходе лет,
Не ищу для души управы.
Да прольётся Господний свет
Там, где стонут негромко травы.

Где исхожены рубежи,
Как в дождливые дни аллеи,
И где пью из бокала лжи,
И на первом глотке хмелею.

Обступают меня года,
Неизбежные, словно даты.
Может, вся эта жизнь — вода,
Что бежит и бежит куда-то?!

Я книгу вечности листаю,
А мысли — злое вороньё,
И с лёгким сердцем отпускаю,
Что было в жизни не моё.

Роятся, множатся вопросы,
Плеть сомнения узор:
— Зачем полощут ивы косы
В объятьях солнечных озёр?

Кто красит синью неба ситцы,
Ромашки белые в лесу,
И отчего на зорьке птицы
Клюют небесную росу?

Рябин пронзительную спелость
В глаза мне осень щедро льёт.
Зачем желалось и хотелось,
А вышло всё наоборот?!

И с каждым разом ночи звёздней,
И я не знаю, в чём вина,
Что жизнь моя любовью поздней
До донца вся освещена.

Зачем земля не знает края
И в речку бросили МуМу?
Вот так живу, не понимая,
Вот так уйду и не пойму.

Может, сбудутся скоро пророчества,
Но не верю словам и глазам,
Пью по капле своё одиночество
И боюсь оглянуться назад.

Где смешалось плохое, хорошее
В закоулках пугливой души,
Только наше забытое прошлое
Белый флаг поднимать не спешит.

Просочилось сквозь шторы оконные
В мои будни, что серы и злы,
И что в сердце таилось исконное,
Всё в тугие связалось узлы.

Убедившись всерьёз и воочию,
Залатаю давнишнюю брешь,
И взойдут, как ростки, многоточия
На осколках вчерашних надежд.

Пусть день, растревоженный
смутой,
Родится и канет во мгле.
Мы с каждой ушедшей
минутой
всё ближе и ближе к земле.

К тоске улетающей стаи,
Что знаем почти наизусть.
И радость когда-то растает,
И эта извечная грусть.

И мудрая тихая нежность
Годов уходящих и дней.
Ах, как ты сильна,
                        неизбежность!
Ах, как мы бессильны пред ней!
Нас меньше, мой друг,
                        остаётся.
Кто ждёт там, у дальних ворот?
Душа же всё бьётся и бьётся
И пути отчаянно рвёт.

Было много всего или мало,
Замыкаю разорванный круг,
Где доверчиво зёрна клевала
С твоих щедрых, заботливых рук.

И качала птенцов в колыбели
На тропинках, что были узки,
А в душе колосились и зрели
Вечных жизней мазочки-мазки.

Это всё не крупинки, не малость,
Как надежд неизбывных свеча.
По ночам наше счастье спускалось
И дремало у нас на плечах.

То гуляло по скошенным нивам,
Как дитю, ей неведом был страх,
Открывая слепым и счастливым
Тайный голос в далёких мирах.

А теперь мы дороженьки месим
По домам и задворкам чужим.
Расплескали по высям и весям
Наше всё! А списали на жизнь.

Не прячь усталого лица,
Чтобы потом не хуже стало.
Лишь вздох остался до конца
И три глоточка до финала.

Чтоб не замаялась душа
От толкотни и куролесиц.
И только шаг, один лишь шаг
В хитросплетеньях мнимых лестниц,

Что разделяет тьму и свет,
И наше всё — и быль, и не быль.
Гляди, и жизни больше нет,
Одно тоскующее небо.

Где каждому творилась роль,
Но не хватило нужной масти,
И потому глотаем боль
С неутолённой жаждой счастья.

Молчи, молчи, не отвечай,
Закрой на мир глаза и уши,
Но божья теплится свеча,
Чтоб согревать больные души.

Прольётся тихий этот свет,
И станет многое неважным.
Кораблик плавал столько лет!
Но... оказался он бумажным.

Так разбиваются мечты
И слепнут мнимые надежды.
А мир меняет вновь черты,
Свои обличия, одежды.

Былого нету и следа.
Всё канет в Лету и потонет.
И жизнь, как быстрая вода,
Что утекает меж ладоней.

Всё, что должно, свершится,
и пусть!
Против быть не хочу и не буду.
Я несую свою тихую грусть
С ожиданием вечного Чуда.

Не могу я её расплескать
И подвергнуть суду и огласке.
Лишь безумным дана благодать
Полюбить без границ и опаски

хоть на миг, на года и века!
Было, будет, а я —
где-то между.
Погоди, я не знаю пока,
Как теряют любовь и надежду.

Через сто или тысячи лет,
Когда чёрное сменится белым,
Да прольётся божественный свет
Там, где грело, смеялось и пело!

И над той, кто не прятал лица,
Своих слёз, ожиданий, отметин.
Жаль, что счастливы здесь до конца
Только звёзды и малые дети!

Не исчезай

И голуби, и снег, и виражи
Трамваев,

толп людских движение.

Всё это жизнь,

а может быть, не жизнь,

А только плод воображения?

Игра ума, где чувства в забытье

Как будто бы?

Узоры вяжутся,

Но понимаешь с грустью:

нет, не те,

Совсем они не те, что кажутся.

И вдруг сотрёт неосторожный взмах

Ресниц

весь этот мир без жалости?

Храни

через сомненья, боль и страх

Себя, не исчезай, пожалуйста!

Всё бывает однажды поздно,
Вспять не могут бежать ручьи.
Я пыталась когда-то звёзды
К дому, глупая, приручить.

И лелеяла их, любила.
Не звала, не гнала: «Иди!»
Каждой имя давала, милой,
Отдышав у своей груди.

Встречам нашим была я рада,
И не жёг их большой огонь.
Иногда им хотелось падать,
Словно детям, в мою ладонь.

Звёзды тускнут, когда в тумане.
Я считала: «...четыре, пять...»
Мне мечталось их все в карманы
И котомку собирать.

И кормить и крупой, и хлебом,
Как своих дорогих птенцов.
На заре возвращала небу,
Пряча горестное лицо.

До сих пор мне всё это снится,
Неотвратное, словно смерть:
Тишина, мои звёзды-птицы
И небес голубая твердь.

Утро

Проснулись в хлеву петухи и овечки,
За печкой запел неусыпный сверчок.
Поднялся Иван, покряхтел на крылечке,
Рассвет опустилсЯ ему на плечо.

— Картошка-то нынче совсем никудышна,
Дождя за всё лето нам нё дал Господь.
Что, Ванька, расселся тут, хрен тебе в дышло!
Куды же ты со́лишь? Сказала — щепоть!

Кулачит Прасковья ноздрястое тесто
И вновь продолжает беседу-рассказ:
«Засунуть бы этим в одно, знамо, место
Безмозглый и глупый недавний указ».

Старуха лютует: «Ты дал кабыздоху?»
И вновь, обругав неугодный закон,
Шагает в светёлку, хромая, со вздохом
Молитвы шептать у цветастых икон.

Старик не перечит — «постылая рожа»,
И сызмальства он не ругач, не буян.
В сарае замшелом стоит запорожец,
Такой же горбатый, как старый Иван.

А мы такие не одни
В суровом мире зла и фальши,
Длиннее ночи, меньше дни,
И ты становишься всё дальше.

Впрягаясь в русское «авось»,
Миную вновь ловушки-сети,
Но я прострелена насквозь
Неправдой канувших столетий.

Я полотно доверья тку,
Хотя б чуть-чуть, хотя бы малость,
И пью тихонько по глотку
Души глубокую усталость.

И приглушив вселенский шум,
Средь дрязг, наветов и агоний,
Губами молча отдышу
Твои озябшие ладони,

Сомненья, страхи, полубред
И всё, что было не от Бога.
Звезда роняет тихий свет,
И к небу тянется дорога...

Не хочу ни картинок, ни хлеба.
Что-то зябко, снега и снега...
Птицы грустные падают с неба
И к моим припадают ногам.

О, мои белокрылые птицы!
Ну а я всё реву и реву.
Может, это полночные страхи
Воплотились сейчас наяву?!

Что-то тёмное поверху кружит
И скулит, и встаёт на дыбы,
И клубками катается в лужах,
Расшибая безудержно лбы.

Стали звёзды как будто бы ближе,
Только здесь то и дело снуют.
И тревога всё лижет и лижет
Обнажённую душу мою.

День прожитый в сумерках тонет.
Что было — давно утекло.
Я еду в последнем вагоне,
На мёрзлое дую стекло.

Мелькают сады, перелески
За окнами, люди спешат,
И самое время, да не с кем,
Беседу начать по душам.

Кого-то сейчас развенчаю
И лавры развею его.
— Налей-ка, вожатая, чаю
Иль, может, покрепче чего?!

Да знаю я, что на работе,
Хотя б на минутку присядь,
Одна из десятков и сотен —
Такая же женщина — мать.

Сложилось не так, а иначе,
Но жизни другой не хочу.
— Ну, что ты, родимая, плачешь?
Давай-ка ещё по чуть-чуть.

Зачем извиняешься: «Поздно».
Иди, коли так, хлопочи.
А мне станет грустно и звёздно
Со стуком колёсным в ночи.

А годы, как быстрые реки,
Ни сердцем понять, ни умом.
Вот так и живём, человеки,
И всё ж хорошо, что живём.

Тонут звёзды в предутренней мгле.
Нет в котомке пустых сожалений,
Я иду налегке по земле
И бросаю незримые тени.

За спиною моей рубежи,
Да и мир, что вмещаю в ладони,
Уплывает, как облако, жизнь,
И никто не вернёт, не догонит.

В сердце всплески бывшего огня,
Только им здесь оставлено место.
Так уйдёт и любовь от меня,
Как к другому уходит невеста.

И тогда хоть кричи не кричи —
От себя не сбежать, не умчаться.
Одиночества бродят в ночи
И не могут никак повстречаться.

Дядя Ваня

Умер нынче дядя Ваня.
Он по должности — пастух,
Был в войну когда-то ранен,
Но имел могучий дух.

Стадо пас у самой речки,
Кое-как и ел, и спал,
Но зато язык овечек,
Видно, с детства понимал.

Нрав знал каждой и повадки,
Им не нужен был и кнут.
Только крикнет:
    «Стройсь, солдатики!»—
Тут же все к нему бегут.

Ели всё с его ладошки,
Что достанет из сумы.
Не дожил совсем немножко
Он, сердешный, до зимы.

В небе звёздочки, как свечи,
Вечной тайной манят ввысь,
А в лугах степных овечки
Дядю Ваню жаждались.

В тарелке хлеб, селёдка, сыр,
И круг друзей, и пара песен,
А в остальном весь этот мир
Стал мне давно неинтересен.

Его декреты, строй и вождь,
Пинки, гримасы и занозы,
А на окне вчерашний дождь
Похож на высохшие слёзы.

А те, кто выживет из нас,
Иуд вокруг увидят сами.
И лишь травинка не предаст,
Что неразлучна с небесами.

Кто на последнем рубеже,
Тому легко, предельно ясно.
Тогда не страшно всё уже,
Лишь начинающим опасно.

Пусть я маленькая сошка,
Что теряю — нахожу,
И, как опытная кошка,
Раны бережно лижу.

— Что слышать на дальнем стане?
Будет счастье али нет?
Ну-ка быстренько достали
Каждый свой к нему билет!

Не толпитесь, ради Бога!
Это вам не в рот сто грамм.
Счастья, даже если много,
Не поделишь пополам.

Оно облако в тумане,
Как Кощеева игла.
Я своё храню в кармане,
Да и то не сберегла.

И заплачет тихо строчка
Этой болью или той.
Там, где выставлена точка,
Быть не может запятой.

Хорошо, что не мёртвый, живой.
Да не дёргайся зря, а послушай:
— Вон спускается звёздный конвой
Сторожить наши грешные души.

И не ляпни, смотри, супротив!
Знаю я твои сказки и басни.
Может, лучше оно — взаперти?
И спокойнее, и безопасней?!

А неволя — она не халва,
И не то, что ты тяпнул с устатку.
Ведь не зря изголялась молва:
«Призовут вас, родимых, к порядку!»

Ладно, ладно, вяжите уже
И не лейте бесовское в уши.
Только хватит ли в мире ножей
Порешить наши плоти и души?!

Кто там шепчет опять ерунду?
Ну а мы всё дороженьки месим.
Глянь, как ловит, стервец, на уду
Чьи-то слёзы — пронырливый месяц!

В сотый раз разгорелась заря.
Пусть не так и не каждому в «дамки»!
Только верится в то, что не зря
У груди отрыдали нас мамки.

И за это — полцарства отдать,
А всё чуждое вовсе — изыди!
Вот и к нам забрела благодать!
Отродясь ты такого не видел!

Завешу лампы, окна срочно.
Легко сказать: «Свети, свети!»
Всё будет правильно и точно,
Как пять прибавить к десяти.

Иль вычесть, может быть, тринадцать
И не дрожать, что быть беде.
Я буду плакать и смеяться,
Считая блики на воде.

Среди сует и недосказов
Пускать бывшее на распыл.
Коль умирать, так лучше сразу,
Пусть тужат после, дескать, был

Или была. Под солнцем вешним
Тихонько зрела до поры,
И в хоре пела малом, здешнем
Не первым голосом, вторым.

Зато своим. Ходила в белом
По будням, ветреным и злым.
И мне привычным было делом
Рубить Гордеевы узлы.

А вот теперь всерьёз устала
Не путать тропочки во ржи.
Осталось дело лишь за малым —
Саму себя не пережить.

Прямо к звёздам несут мои кони,
Им привычно по небу летать.
Даже если устроить погоню —
Всё равно никому не догнать.

Всех успеть бы мне нынче оплакать,
Отлюбить, отгореть, отмечтать.
Было многое: морозь и слякоть,
И осенней поры благодать.

Тонет в речке небесная просинь.
Время близко прощать и жалеть,
А у ног моих щедрая осень
Разбросала багрянец и медь.

Помолчу у глухого причала,
Да и что напоследок сказать?!
Где конец, а где только начало —
Воедино стараюсь связать.

Пусть стихают полночные звуки,
Но мой след не растает во мгле:
Здесь живут мои дети и внуки,
Тем и счастлива я на земле.

Плесни в бокал напиток винный
И ничего не говори.
Я не хочу наполовину,
А чтоб взрывалось всё внутри.

Глаза слепило, глухли уши,
И выгорало до конца.
Спасать не надо наши души
И бесприютные сердца.

Чтобы, беду почуяв кожей,
Отбить налёты воронья.
Мир отличить досель не может
Живую правду от вранья.

Пусть распадается на части
Любви причудливая вязь.
Где заблудившееся счастье?
Его не знала отродясь.

А дальше что, и где же выход
В хитросплетеньях мировых?
Коли будить не будешь Лиха,
То не получишь и под дых.

Вот так живём, срываем глотки,
Добропорядочны вполне.
И кто сказал, что счастье — в водке?
А мне же кажется — в вине.

Разыскать бы затерянный остров,
Где в меня ещё верят и ждут.
Там мои отгоревшие вёсны
Обретут свой надёжный приют.

И где плещется пламень восторга,
И души затаённая грусть,
Где не будет ненужного торга,
Когда светом последним прольюсь.

Где, встречая сердечно и просто,
Не меняют друзей на рубли.
Неужель не отыщется остров,
Заблудились давно корабли?

Среди смут, позолоты и фальши
Не пробиться искринкам огня,
Да и остров всё дальше и дальше
С каждым годом теперь от меня.

Жизнь

Тень контрастирует на красном,
И мухи плавают в вине.
Жизнь отстучали беспристрастно
Часы на кухонной стене.

А ночью студёно-синей,
Когда заснёт любая тля,
Всё снится горестной осине
Её проклятие — петля.

Пройдя скитанья и разрухи,
Опять добрались до беды.
Кряхтят облезлые старухи
И лезут в первые ряды.

Скрипят разошедшиеся доски,
Безродные скулят щенки,
С фужеров звонких тянут Боско
Благополучные сынки.

Повсюду столько околесиц,
Вздыхает тяжело старый лес,
И удивлённо тонкий месяц
Внимает этому с небес.

А жизнь словно гонки по длинному кругу,
И мысль ускользает,
                                как дым у костра.
О чём загрустила, шальная подруга,
Зачем же ты плачешь
                                подолгу, сестра?

Ах, эти мои беспросветные ночи,
И где вы теперь,
                                разудалые дни?
Кто нами играет и беды пророчит,
И как же не правы
                                бывают они.

А сад свой наряд незатейливый сбросил,
Костров листопада
                                потушен огонь.
Ну, здравствуй, моя запоздалая осень,
Возьми моё всё, только
                                душу не тронь.

Своё отщептала осенняя вьюга,
И жизни осталось
                                что листьев в горсти.
Поплачь же по мне хоть немного, подруга,
И ты, золотая сестра,
                                погрусти.

Повсюду лица, лица, лица...
Всех принимает старый дом.
Скрипят чуть слышно половицы,
Как будто плачут о своём

Пережитом, давно забытом,
А потому и дорогом.
Так много в памяти сокрыто,
Спрессовано в тяжёлый ком,

Где слёз бесчисленные нити
Сплелись в тугие кружева.
Глаза закрою: неба ситец
И мама юная, жива.

Не Лидия, по-сельски Лидка,
Колдует вкусно над плитой,
Поёт без устали калитка,
Отец пришёл, и он живой.

Большой, смеющийся, здоровый,
Легко ступает на крыльцо.
В подворье сонная корова
Жуёт пахучее сенцо.

А я качаюсь в мягкой зыбке,
Как сладок сон средь бела дня,
И Ангел с детскою улыбкой
Хранит от горестей меня.

Всё впереди, и это будет:
Победы, горечь, боль и грусть.
Ах, если б знали только люди,
Как я открыть глаза боюсь.

А жизнь — насмешка иль игра,
Людское беглое участие?!
Уже труба зовёт: «Пора», —
Хоть не испита чаша счастья.

И не исхожены пути,
И бредит ум цветастым летом,
А хватать, уж некуда идти,
И все распроданы билеты

В то чёрно-белое кино,
Где пахли губы сном и мятой,
И зрело юное вино,
И облака как будто вата.

Где всё казалось навсегда:
И я, и степь, крик журавлиный,
В овраге талая вода,
Головки кашек за овинком.

И светом наполнилась душа,
И звездопада откровенность...
Но кто же знал, что только шаг,
Всего шажочек до забвенья.

Зачем вы поёте нездешние песни
С застывшей улыбкой безжизненных глаз?
А умерший день непременно воскреснет,
И всё на земле повторится не раз.

Измены, печаль, поцелуи Иуды
И искорки света на гребне волны.
Так, может, забыли, кто мы и откуда,
И в мире подлунном зачем рождены?

А утром, развеяв ненастье и стужу,
Задышит надеждой обугленный лес,
И солнце нырнёт в задремавшие лужи,
Чтоб клеить осколки разбитых небес.

Догораю тихо, словно
В храме тонкая свеча.
Стала я немногословна
И скупа давно в речах.

Счастье медленно уплыло...
Будто жизнь жила не ту,
Я под всем, что есть и было,
Подвожу сама черту.

Собираю, подытожив
Чувства в крепкую узду.
Жизнь моя теперь похожа
На угасшую звезду,

На коней, вперёд гонимых.
Как ты их не улещай,
Всё равно промчатся мимо,
Не махнут: «Прости, прощай!»

Пусть назад дороги нету
И последний путь во мгле,
Верю, что добра и света
Ещё много на земле.

А когда ещё не было поздно,
Вся в обрывках неясной тоски,
Я смотрела, как падают звёзды,
Утопая в тумане реки.

И в предчувствии скорого чуда,
Выбиваясь из всяческих сил,
Я искала, искала повсюду
След далёких, небесных светил.

Там, где грело и где не остыло,
Вновь рождался обугленный лес.
Это было со мной, это было:
Тихо падали звёзды с небес.

Дорожки, тропочки, пути...
Дай Бог, в себе бы разобраться,
Когда нет силы, чтоб уйти,
И невозможно не расстаться.

Когда тонка меж нами нить,
Когда ножом по нежной коже.
Мы можем что-то изменить
И ничего уже не можем.

Когда опустится беда,
Ещё не ставшая виною,
И, как проклятие, года —
Те, что разделят нас с тобою.

Когда над лесом закружит
С надрывным криком птичья стая,
Вдруг станет ясно: это жизнь,
А в жизни всякое бывает.

И я жила, топтала вёрсты,
Всё второпях, всё на бегу.
И там давно остались вёсны,
На позабытом берегу.

И больше некого бояться,
И не осталось что терять.
Играют судьбами паяцы,
А мне наскучило играть

Своей. И что поделать —
Не в счёт ни злато, ни чины,
То чёрной краскою, то белой
Мы красить жизнь обречены.

И так с рожденья до финала.
Художник, ты на краски скуп!
И откровенья краснотала
Не обожгут волненьем губ.

Что ж ты замер, словно пень,
Прислонив лицо к оконцу!
Глянь, как розовый олень
На рогах качает солнце.

И летят, летят вперёд
Золочёные копытца.
Всё в свой срок произойдёт,
Что должно однажды сбыться,

И что полнит жизнь всегда
Изначальным тайным смыслом.
Ах, осока, лебеда,
Чугунки да коромысла!

Нам не тужится вдвоём.
Снег кругом как будто вата.
Так вот, милый, и живём
От рассвета и заката.

Мне бы только теперь не пасть,
Когда в небо бежит волна,
И не важно, какая власть
И кому, и зачем дана.

Ты плюёшь на свои грехи,
ТЬфу — Америка, тьфу — Китай,
И ко мне: «Почитай стихи,
Только грустные не читай».

Ворохни, где совсем спеклось
И осталась одна зола,
Разве можно нам нынче врозь,
Когда в мире так много зла.

Когда бьют каждый раз под дых,
Нам бы с новой начать строки
И беречь-уберечь родных
На ладони своей руки.

Уйти в себя: там как на дне,
Где умирают тени, звуки.
И тянет прошлое ко мне
Свои невидимые руки.

Оно врасплох застанет днём,
Вползёт сквозь щели тёмной ночью
Липучим бредом, тяжким сном,
Чтоб рвать и рвать мне сердце в клочья.

Не разомкнуть печальный круг,
Потерян счёт уже отметин,
И вязну в этом, как паук,
Что разбросал удавки-сети.

В жизни всё совсем не просто,
Не изменишь ничего.
Может, впрямь потоплен остров,
Остров счастья моего.

Вили гнёзда там надежды,
А теперь пошли ко дну.
Осень. Сбросила одежды
Липа в стареньком саду.

В спины сгорбленным проходим
Льёт луна прощальный свет.
Стала грусть моя похожа
На звезду, которой нет,

Но была. Сверкнув однажды,
Растворилась вдруг во мгле.
Вот и жизнь людская так же
Быстро тает на земле.

И, охваченные страстью,
Рвут рубахи сгоряча,
Ищут люди тщетно счастья,
Смотрят в небо и молчат.

Идут века — всё те же лица,
То сон как жизнь иль жизнь как сон?
Мне суждено было родиться
Под злое карканье ворон.

Чтобы, открыв однажды сходство
Деяний, помыслов, идей,
Вдруг ощутить своё сиротство
Среди трамваев и людей,

Борьбы, сует, пустых стараний,
Молчанья, злобы и обид
И мир жалеть, который ранен,
А завтра может быть убит.

Спешить, бежать, толкаться между
Домов безликих и машин,
Но знать, что где-то там надежда
Живёт на краешке души.

Она трепещет, словно птица,
Как света всполохи во мгле,
И ради этого родиться,
Наверно, стоит на земле.

Улететь бы

Улететь бы на остров, ничей,
Где коней удалых не стреножат,
Где звезда утомлённых ночей
Так на грусть мою чем-то похожа.

Где сгорают всерьёз и легко,
Мыслей-птиц выпуская на волю,
И ромашки густым молоком
Тихо льются по жаркому полю.

Где заря, победившая мрак,
Небеса алым цветом полощет,
И разрушить, что было не так,
Чтобы жить и понятней, и проще.

«Её он бросил, точно бросил!» —
Об этом лишь и говорят.
Дождь за окном аллею косит
Который день уже подряд.

Осиротевши и уныло
Глядят озябшие кусты.
Что стало с нами и что было,
То знаем только я и ты.

Всем остальным какое дело:
Нет у людей своих забот?
А боль сверлит тихонько слева,
Словно воробушек клюёт.

Я хожу всё по краю, по краю,
И хоть ноты и знаю слегка,
Но на дудочке грустной играю
Про весёлую жизнь мотылька.

Не корите меня, не браните,
Всё отдам: чемодан, сапоги...
Лишь души золотистые нити
Не пойдут никогда на торги.

Только хочется глубже, до сути,
Коль не зря это небо коптим.
В мире много мороки и мути:
Чтоб не есть опосля девяти,

Чем-то очень особым питаться,
Не менять свои взгляды легко.
Только мне в этом мире скитаться
До скончания горьких веков.

Пить суровую правду столетий
И растить неустанно броню,
И заблудшую душу на свете
Звать тихонько к живому огню.

Какая странная усталость,
Когда забыты стыд и честь.
Сколь прожито, и что осталось,
Кому под силу перечесть?!

Гадай хоть на кофейной гуще
И пей отвар от всяких бед.
Корабль надежд давно уж спущен,
Но затерялся его след.

А мне всё мнится, что отыщем,
Не вечны в мире зло и мгла,
Несчастных же повсюду тыщи,
Кто слёзы прячет по углам.

И ждёт свой час как избавленье
На склоне грустных зим и лет.
Ах, где ты, чудное мгновенье,
Что воспевал давно поэт?!

Мне за него хоть в снег и стужу
И слыть дурёхой на миру.
Опять октябрь. Зачем он нужен,
Когда я знаю, что умру?!

Едва улавливая сходство
И окончание начал,
Баюкаю в себе сиротство,
Что приютила невзначай.

И пусть одна, и мыслью строго,
Не так, как все, наоборот.
Но я нужна, нужна я Богу,
Который любит всех сирот.

Горит в миру небесная свеча

Рисую много солнца на песке,
Хотя и знаю, бесприютны люди,
И то, что жизнь моя — на волоске,
И на земле меня уже не будет.

Не внять, где правда, небыль и враньё,
А где-то просто бредни пьяной ночи?!
Кружит над степью тучей вороньё,
Опять беду, наверное, пророчит.

Одна из всех приблизится трава,
Почти за шаг до оглашенья истин.
И упадут ненужные слова,
Как в старом парке опадают листья.

А я иначе жить и не могла —
За каждый вздох и родинку в ответе,
Свои надежды пряча по углам,
Такие чистые и хрупкие, как дети.

Еще пугливы, больше по ночам,
Кричат во сне и комкают печали.
Горит в миру небесная свеча,
Чтоб боль окрест почаще замечали.

Осень дарит деревьям наряд,
Никогда он не выйдет из моды.
И опять мне приход октября
Подытожит прожитые годы.

Может, выдаст на завтра кредит
С канцелярией неба совместно.
А что ждёт меня там, впереди?
Это всё никому не известно.

Я листву прижимаю к лицу,
Вот он, грустный восторг мироздания,
И сама приближаюсь к концу
Без стоянок и без опоздания.

Как с душою расстанется плоть,
Чему быть, не ропщу и приемлю,
Я скажу: «Не суди нас, Господь,
Что любили так трепетно Землю,

До разрыва горячих сердец,
Этот мир, что прекрасен и светел.
Ты же нам благодатный отец,
Ну а мы — неразумные дети».

Все вроде послушны:

И встали, и сели,

Но что-то, мне кажется, в жизни не так.

И жалко бывает,

почти с колыбели,

оставленных кошек, бездомных собак.

Особо вон ту,

что с оборванным ухом.

Людей, кто чужую заимствует роль.

А этот вещает

НАДМЕННО И СУХО

И думает, что он над всеми король.

Его тоже жаль,

как того кабыздоха.

Всё то, что возможно, из памяти тру.

Но мне неспокойно,

ТОСКЛИВО И ПЛОХО,

И грустно за тех, кто стоит на ветру.

Они беззащитны,

как малые дети.

Душа сиротеет, ломается плоть.

Наверно, не всё

справедливо на свете,

Но пуще других их жалеет Господь.

Посмотри в высоту без опаски,
Это небо из синего ситца.
Ну а здесь бесконечные маски
Приросли к обездушенным лицам.

Вот я добрая, здесь я пригожа,
Целомудренна, Господи Боже!
Ну а здесь на пантеру похожа.
Не волнуйся, ты тоже, ты тоже!

За черту — ни-ни-ни, только рядом.
Что не так — подтушаем, замажем.
За придуманный кем-то порядок
Мы всегда начеку и на страже!

Что же это поделалось с нами?
Иль бесовское влили нам в уши?!
Бросить просто в прохожего камень,
Только бьёт он по нашим же душам!

Дверь открываю, да не ту,
Опять напутала дороги,
И вновь глаголю в пустоту
О чести, совести и Боге.

А может, завтра умирать
И лечь под русские берёзы?!
Хранит потёртая тетрадь
Мои сомнения и слёзы.

Гляжу казанской сиротой
И жду участия, как хлеба,
Да платят нынче за постой
Не звёздочкой, упавшей с неба.

Я над собою посмеюсь,
Когда пойму, что плакать поздно,
А в сердце затаённо грусть
Совёт невидимые гнёзда.

Какая миром движет сила,
Кому погибель иль Парнас?
Глядят небесные светила
Тысячелетьями на нас.

Среди скитаний и отметин
Не лгут отчаянных уста.
То правы те, то правы эти —
С глазами юного Христа.

Трубят отбой на дальнем стане,
И бродит старое вино.
Жизнь промелькнула на экране,
Как чёрно-белое кино.

И что в стенаниях и плаче
Среди лугов, берёз и звёзд?
Ловите, смелые, удачу,
Как птицу юркую за хвост!

Деньки, что ниточки в кудели,
Сплетают жизни без конца,
И мир качает в колыбели
Рука вселенского Отца.

Старики

— Ты что, родимый, говоришь?
И так уж тошно,
Ведь нам с тобой осталось лишь
Жить только прошлым,

Где нету бедных и больных
И нет убогих,
А люди от роду вольны,
Где много Бога,

Где мы ещё не за чертой,
А день — как вечность,
И мир вокруг не золотой,
А — человеческий,

И кони бродят по степи,
Звезда в окошке...
А ты возьми-ка да поспи,
Поспи немножко.

Я свет тихонько потушу,
Нам сон — отрада,
И больше, миленький, прошу
Не плачь, не надо.

Я под иконой помолюсь
За нас, за грешных,
За деток, внуков и за Русь
Ещё, конечно!

— Пошли, Господь, рабу, рабе
Покой под крышей!
А шёпот в маленькой избе
Всё тише, тише...

Одиночество

Я давно уже стала слепа.
Серым дождиком
Бродит по миру тоска,
Нашей поздней любви
Размывая чуть видимый след.

Помню я, как гудела толпа
И скулил рядом
Пёс, может, ласки искал,
А сквозь плен облаков
Рвался свет неизвестных планет.

Собираю дождевки в ладонь,
И они превращаются
В быстрый ручей.
Где-то там, вдалеке,
Потемневший загадочный лес.

Зажигается в окнах огонь,
И котёнок промокший,
Наверно, ничей,
Лижет воду из луж,
Как с осколков Вселенских небес.

Много дыма, мало света,
Воля вольная с хлыстом,
А земле грозят кометой
С огнедышащим хвостом.

То дефолт, то катаклизмы,
Что с ума бы не сойти.
От рождения до тризны
Сокращаются пути.

Нахлебавшись вдоволь худа,
Мир не стал ничуть добрей.
Повылазили Иуды
Из невидимых щелей.

Сиротливо и убого
Смотрит Русь, сомкнув уста.
Видно, ждать уже немного
До пришествия Христа.

Нам объявили: «Люди — братья».
Поверил благостный народ,
И мир раскрыл свои объятия,
Такие стылые, как лёд.

Руби концы, вяжи начала,
Свет береги в своём дому.
Кто не оплакал все печали,
Тем подходить по одному,

А не толпой, не надо всеу.
Спрос возрастает на Иуд.
Горят, как маки, поцелуи
И там и тут, и там и тут.

Почём те траурные розы,
Когда и жизнь теперь — пятак?
Кому инфаркт, кому невроты,
Их раздают почти за так.

А ветер молодо и рьяно
Судеб афиши пролистал.
И кровоточат снова раны
За нас распятого Христа.

Повсюду суровые лица,
И горько глаголют уста.
Я знаю, о ком мне молиться
И милости ждать от Христа.

Пока не поставлена точка
И вечер отбой не трубит,
Мотаю, мотаю клубочки
Сомнений, терзаний, обид.

Движения ловки и быстры —
Торопит судьбы моей конь.
И снова из маленькой искры
Я высечь пытаюсь огонь.

Но мало того, что пытаюсь,
Сама же огонь и тушу.
Сегодня, о, Господи, каюсь,
А завтра опять согрешу.

Бегу, добиваюсь, свершаю,
А складки всё резче у рта.
Хоть жизнь за плечами большая,
Не знаю о ней ни черта!

Давний грех не сор в дому,
Чтоб кидать его за двери,
Он ни сердцу, ни уму
Не подвластен в полной мере.

Может, шутит со мной бес
Иль видение спросонок,
Но глядит в упор с небес
Нерождённый мой ребёнок.

Жизнь его как плач свечи,
Как неначатая повесть.
Что ж ты маешься в ночи,
Моя раненая совесть?!

Может, да если бы...
Жмутся друг к другу строки.
Вылезли, как грибы,
Знахари и пророки.

Люд побросает кров,
Алча войны и крови.
— Что нас спасёт, Любовь?
— Будет не до Любви.

В лес убегут ежи,
И поутихнут птахи,
Плети, стволы, ножи,
Порванные рубахи...

И возликует плоть,
Станут болтливы рыбы.
— Как допустил Господь?!
— Он нам оставил выбор.

Молча глядит окрест,
Зная, что это будет:
Снова взойти на крест
Богу готовят люди.

Он по двору с метлой кружит,
А всюду люди.
— Ну что, Василич, будем жить?!
— Наверно, будем...

Прищурит глаз, насупит бровь,
О чём-то тужит.
Он не гоняет воробьёв,
Что пьют из лужи.

Не носит драповых пальто
И туфли с лаком,
Но понимает, где не то,
Не так, однако.

Картошки купит да муки.
— Погодь немножко.
И все едят с его руки
Щенки и кошки.

Он вслед машинам не глядит,
Не ждёт известий,
А под рубахой на груди
Теплится крестик.

И слово «бог» не говорит,
Зазря не хочет.
Метлою машет от зари
До самой ночи.

На мир, что мается во лжи,
Так много судий.
— Ну что, Василич, будем жить?!
— А как же, будем.

Не отрекайся и слёзы утри,
Грустная повесть.
Что там шевелится ночью внутри?
Видимо, совесть.

Солнца цветочкам и влаги полям,
Всем по чесноку,
Вечно голодным в окне воробьям,
Вздорной старухе,

Мальчику Ване со скрипкой в руках
В кителе строгом,
Даже тому, кто ходил в «дураках»,
Всё же — под Богом.

Нечего клянчить, краснеть и рыдать:
Бог не мякишка!
С детства бы надо побольше читать
Умные книжки.

Боль чтоб чужую не раз и не три
Чувствовать кожей.
Чтоб шевелилось почаше внутри,
Это поможет.

Беду не пускать бы домой на порог,
Но рвётся, где шатко и тонко.
Исхожено много тяжёлых дорог,
И снова готовим котомку.

Что ждёт впереди — только горечь утрат
Иль радости малые горстки?
Пусть даже сведут нас дороженьки в ад,
Мотаем проклятые вёрсты.

А дни наши кем-то давно сочтены,
Разбиты, как стёкла, на части.
И мы, не узрев своей личной вины,
Ломаемся в поисках счастья.

Навстречу встаём непосильным ветрам,
Порушив все скрепы и нити.
Как нужен душе свой единственный храм,
И совести нашей обитель.

Душа же живая, она не молчит,
Устала быть кроткой, служивой.
Огарочек теплится Божьей свечи,
И тем ещё, может быть, живы!

Нас время и било, и мяло,
Нам головы ветер студил,
И что-то с тех пор отрыдало
В душе у меня и в груди.

Поблекло, смешалось, угасло,
Хромает стреноженный конь.
А нужно лишь капельку масла,
Чтоб ожил в лампадке огонь.

Затеплились светлые Лики,
Даруя небес благодать,
Чтоб мир, озверелый и дикий,
По-детски заплакал опять.

Лирик

Он шапку пропил и пальто,
Он сир и один в целом мире.
Простите его, если что,
Он просто отчаянный лирик.

Ходил босиком у пруда,
Мальков собирая в ладони,
Часами глядел иногда,
Как солнышко в омуте тонет.

Не горько вздыхал: «Ого-го», —
Взирая на дальние дали.
Не знали о нём ничего
И имени даже не знали.

Он прятался в старом саду
И ждал, как опустится вечер,
А ветер ловил на уду
Слезинки его, человечьи.

Он гладил рукой мураша
И травы стелил под затылок.
В нём билась живая душа,
Мечтала, скорбела и стыла.

Ждала неустанно свой час
И милости кротко у Бога.
Чтоб с неба молиться за нас,
Ослепших, глухих и убогих.

А жизнь смешна,
                                забавна наша роль,
Где всё прописано
                                по дням и датам.
Не важно, кто ты есть —
                                бедняк, король,
Глаза закроют всем когда-то.
Не убежать,
                                увы, от темноты,
Не спрятаться никак
                                от тяжкой доли.
Со смертью мы
                                давно уже на «ты»:
— Пошла ещё бы
                                погуляла, что ли,
Иль постояла
                                молча у двери,
Пока вдали
                                не высветилась точка.
А жизнь прекрасна,
                                что ни говори,
Хоть и мала —
                                всего на три глоточка.

Идём вперёд, не поднимая глаз,
Туда, где ждут захлопнутые двери.
— Мария-Дева, заступись за нас,
Хоть ни во что давно уже не верим.

Преодолеть бы только рубежи,
Забыть обиды, прошлое итожа.
А может быть, вся эта злая жизнь —
Расплата нам за долгое безбожье?!

Когда слова и помыслы не те,
Умов затмение до поры, до срока,
И устремимся, вмиг осиротев,
Искать спасенье у своих истоков.

Туда, к началу всех земных начал,
Где от рожденья всё светло и ясно,
Горит в душе у каждого свеча,
И дай ей Бог, чтоб только не погасла.

Рассеется скоро
                    полночная мгла
И Божьим наполнится светом.
Я б тоже о жизни
                    поплакать могла,
Да только не надо об этом.

И так в нашем мире,
                    как в зимнем саду,
В избытке печали и грусти.
Зачем же туда
                    я иду и иду,
Откуда уже не отпустят.

Там людям не торят
                                дороги назад,
Там вечно открытые двери,
Печальные осени
                    жизни глаза,
Но каждому дастся по вере.

И я не устану
                    любить и мечтать,
Коль выпала нынче отсрочка,
А с неба глядят
                    и отец мой, и мать
И молятся сильно за дочку.

В прошлом всё и желанно, и мило,
И вернувшись в родное село,
Вижу я, как кресты и могилы
На погосте совсем замело.

Здесь отец похоронен и мама
Обрела свой надёжный приют.
Берегла вас, наверное, мало,
Эти мысли и ранят, и жгут.

Будут плакать от счастья другие,
Затеряется солнце во мгле.
Как же страшно без вас, дорогие,
Жить на этой угрюмой земле!

Я грустить понапрасну не буду,
Мысли-птицы запрячу в тетрадь.
Жизнь, известно, хрустальное чудо,
И её так легко потерять.

Не с горы, не с высокого моста
Синевы не коснутся небес.
Жить бы всем и спокойно, и просто,
Как озёра, травинка и лес,

Золотая осенняя вьюга
С морозящим певучим дождём.
И жалеть неустанно друг друга,
Зная, зная, что скоро уйдём.

Потонут звёзды в сумеречной мгле
И растворятся в вечности минуты.
Стою на солнцем выжженной земле,
Глотая грусть последнего приюта.

Снуют ветра в оврагах и лугах
По бездорожью, зарослям и кочкам.
Какой же прок в немыслимых торгах,
Коль предстоит губительная точка?

Когда уже разорваны табу,
Оплаканы от края и до края,
И страшно знать, что скоро упаду
В пяти шагах от призрачного рая.

Знать хотим, а знаем мало —
Нам сие не по уму.
А звезда с небес упала,
Разрывая светом тьму,

В вечность канула дорога,
Ворон в воздухе кружит.
Поживём ещё немного
И поймём, быть может, жизнь.

Пригвоздим к дверям подкову,
Чтоб тянулся к дому свет.
Умирать у нас не ново,
Как сказал один поэт.

Только в этом разве дело?
Жить-то так же не новей.
Снег в России белый-белый,
Нет его нигде белей.

И тропинка, и церквушка,
В ярких искорках сугроб.
Семенит вдали старушка
И поспешно крестит лоб.

И уходит, словно тает,
Как свеча в полночной мгле.
Так живём и умираем
С вечной тайной на земле.

Мир вокруг и радостен, и светел,
Птичьи стаи тают в облаках.
Нет прекрасней женщины на свете,
Что идёт с младенцем на руках.

Где ступает, зеленеют травы,
И хмелеет от цветенья лес,
Она мать и счастлива по праву —
По веленью высшему небес.

Облик кроткий, будто бы с иконы,
Всё сулит ей радость впереди,
И смеётся юная мадонна,
Прижимая Ангела к груди.

Умирать ещё вроде бы рано,
Но Господь уже ставит на вид.
Только вскрылись давнишние раны,
Да и сердце болит и болит.

Чуть лишь выпала с общего строя
И не крикнула с хором «Ура!»
Видно, мир по-особому скроен,
Да и жизнь не в бирюльки игра.

Может, жить надо тише и проще,
Как веками исконная Русь.
Похожу по обветренным рощам
И травинкам степным поклонюсь.

Мы ведь все здесь — до времени гости,
Богу сверху получше видать.
Вот и ладит нам маленький мостик,
Чтоб к нему не смогли опоздать.

И споткнётся, достигнув предела,
Обмелевшая жизни река.
— Кто на мостик? Вы, женщина в белом?
— Нет, спасибо, не надо... пока.

Бьёт привычно с размаху, сплеча.
Вкралась в песню — фальшивая нота.
Но не надо винить палача,
Для него это — просто работа.

Затаятся грустинки у рта,
Оглядит свою жертву: «Здорово!»
Он с рожденья, видать, сирота
В этом мире чужом и суровом.

И не дрогнет в сомненье рука,
А с невинными даже и слаще.
Так живёт и не знает пока,
Что, как все, он такой же пропащий.

Коротает отпущенный век,
«Тянет» деньги опять до зарплаты,
И на грудь ему падает снег,
Невесомый и белый, как вата.

Сколь растает таких вот снегов,
Огорчений и радостей — много.
Будут души и Там за него
Молвить слово прощения Богу.

Снять бы с голов
«Золотые» венцы,
Это так просто.
Все мы у Бога —
Всего лишь птенцы
И недоросты.

Так и живём,
Проживаем деньки
Маленькой сошкой.
Жизни начать,
Может, с новой строки —
Белкой иль кошкой,

Или собакой,
На худший конец,
Тем «кабыздохом»?
Мы привыкаем
К остуде сердец,
Молимся плохо.

Но не предали
Отчизну и мать —
Вечно и присно.
Лишь для души бы
Своей отыскать
Тихую пристань.

Чтобы упасть
До скончанья веков
В сонные травы.
Сможешь, прости нас,
Больших дураков,
Господи правый.

Что не узрели
Средь малых забот
Высшего знака.
Вот и стоять
У закрытых ворот,
Охать и плакать!

Своей жизни не счесть страницы,
И трепещет опять душа,
Мои мысли — ручные птицы,
Что куда-то всегда спешат.

Взмыть легко к небесам и мне бы,
И растаять звездой во мгле.
Как призывно бывает Небо,
И как преданы мы Земле!

Речке, полю, лесам, погосту,
Что укроют зимой снега,
Где живём и уйдём мы просто,
Как травинки в степных лугах.

И я вижу, приникнув к устью,
С чем моя неразрывна связь,
Как особой щемящей грустью
Зорька алая пролилась.

Зачем всё это в мире звонком, вечном —
Листвы круженье, пламенный рассвет
И на пути небесном, дальнем, Млечном,
Чуть видимый прощаний наших след?

А впереди ухабы и откосы,
Паденья, взлёты, гонки, рубежи
И в клочья рвущие сердца вопросы:
«Что наша жизнь, что наша жизнь?

Тернистая и гладкая дорога,
Надежды остров или счастья мыс?»
Но лишь какие мы уходим к Богу,
Имеет главный и глубокий смысл.

Всерьёз не думала, конечно,
Да и не время было мне,
Зачем живу на этой грешной,
На этой праведной земле!

Своими мир слепив руками,
Легко обманываться — мой.
Так отчего на сердце камень
Ношу и летом, и зимой?

Тот камень — плод моих фантазий
И боль несбывшихся чудес.
Не раз меня спускали наземь
С высот волнующих небес.

Но будешь сыт ли только хлебом?
И солнцу радуясь, и мгле,
Душа всё время просит неба,
А корни держат на земле.

Замыкается снова кольцо,
Птиц тревожных закружатся стаи.
Мудрость дедов и сила отцов
Добрым знаком во мне прорастает.

Отшумели сады, отцвели.
Я несу в себе каждое имя,
Тайну неба и трепет земли,
Их никто у меня не отнимет.

И благую желанную весть,
И реки убегающей ленту.
Всё, что было со мною и есть,
То не канет беспамятно в Лету.

Потому не страшна и гроза,
Нет ни края у жизни, ни точки,
И я счастлива тем, что глаза
Моей мамы у младшенькой дочки.

Услышать дыхание птиц

Томятся ветра в тщетном поиске истин,
А небо дождей размотало клубок.
И падают с клёна последние листья,
Как будто печальный подводят итог.

Тому, что недавно смеялось и пело,
На тропках играло далёких, лесных,
Земля же накроется саваном белым,
И будут ей сниться хрустальные сны.

Мне тоже взгрустнулось в безмолвье аллей,
Но жизни не вырвать ненужных страниц,
И я уж давно ни о чём не жалею,
Лишь жаль покидающих родину птиц.

Шорох листьев о чём-то вещает
На притихшем речном берегу,
А я снова кого-то прощаю,
Но простить всё никак не могу.

С лёгким сердцем с минувшим расстаться
И в объятьях небес синевы
Раствориться в волнительном танце
Опадающей наземь листвы.

И терзаясь сердечной истомой,
Не свою искупая вину,
Я бросаюсь в пленительный омут
И в тебе, моя осень, тону.

Неразлучная с этим вовеки,
Я сюда неизменно вернусь,
Где студёные синие реки
Пьют деревьев осеннюю грусть.

Утро

Ранний час... Дремят совы и дождик,
И сопит в своей норке сурок.
Неизвестный на небо художник
Бросил тёплый и робкий мазок.

Спят деревья, фонтаны и люди,
Тишина над землёй и рекой,
И Господь осторожно нас будит
Своей верной и чуткой рукой.

Миг, и солнце в оранжевом платье!
— Здравствуй, утро! Гляди, это — я.
До небес раздвигаю объятия
Для любви и для нового дня,

Для земного и светлого Чуда,
Не стихающих вечных огней,
Для матрёшки, невесть знать откуда,
И горошин весёлых на ней.

Чтоб «сносило» почаще нам «крыши»,
То есть просто «сходили с ума»!
Я люблю тебя, солнышко, слышишь?!
А за что — и не знаю сама!

Звезда

А что попутал меня бес,
Не в этом дело:
Звезда, летящая с небес,
Взяла сгорела.

И что в делах за сбоем сбой —
Нельзя иначе:
Кто посмеётся над собой,
А кто поплачет.

Всё перетерпим! Ерунда,
Что нету масти!
Но кто придумал, что звезда
Сгорает к счастью?

Нас всех уму бы поучить,
Пока не поздно:
Мы не такие богачи,
Чтоб тратить звёзды.

И грустно мне не потому,
Что денег мало,
А то, что в небе на звезду
Вдруг меньше стало.

Тая неясную тревогу,
Как будто вымерли леса,
И, снаряжённые в дорогу,
Тоскуют птицы в небесах.

А с приближением морозов
Их дни здесь вовсе сочтены...
Лишь белоствольные берёзы
Навек с землёй обручены.

Не находя от грусти места,
Помашут птицам веткой вслед,
Передавая бессловесный,
Последний Родины привет.

Омолодился сразу лес,
Умывшись Божьими слезами,
Метнули Ангелы с небес
Своими стрелами-глазами.

Какой восторг, какой уют!
Берёза шепчется с осиной,
Забытый всеми, ожил пруд,
Зовёт в свой омут тёмно-синий.

Утихли грозы и ветра,
Земля и небо отдыхают,
И только старая ветла
О чём-то горестно вздыхает.

Ветер

Солнце скрылось за ветками сада,
Горизонт незаметно потух.
Гонит шумное, сытое стадо,
Весь намаявшись за день, пастух.

И под хор неуёмных лягушек,
Доносящийся издалека,
По дворам разбредутся пеструшки —
Хватит всей детворе молока! —

Принесся горький запах полыни,
Мух сгоняя хвостом на ходу.
Ну а речка тихонько обнимет
Восходящую в небе звезду.

Шёпот ветра. Паутинки.
В травах прячется роса.
По степи бежит тропинка
И уводит в небеса.

Дремлет ночь в объятьях сада,
Месяц — сторож над рекой,
И звезда — как будто рядом:
Хочешь, тронь её рукой.

Утром птицы-непоседы
Кружат с криком над жнивьём.
Жили здесь отцы и деды,
А теперь и мы живём.

И не можем по-другому —
От земли родной вдали.
Ведь не зря грустят по дому
На чужбине журавли.

Бьётся ветер — удар его хлёткий:
Оголяет деревья, кусты,
И стоят сиротливо берёзки,
Застыдившись своей наготы.

А листва, по дорогам кочуя,
Отгуляет последние дни:
То под лавкой она заночует,
То закружит — поди, догони!

Только век её нынче короткий.
Парк дождями косыми умыт.
Все вокруг беззащитны и кротки
В ожидании скорой зимы.

И журавушкам больше не спится:
Долог путь предстоит впереди.
От земли отрываются птицы,
Как от мамкиной дети груди...

Может, правда, оплакивать поздно,
Изливаясь в последней строке,
Тусклый берег, горошины-звёзды,
Утонувшие в сонной реке,

И деревню, и суетный город,
Мутных луж на дорогах круги,
И беззлобного деда Егора,
Что вернулся с войны без ноги.

Он в избёнке один коротает
Жизни горькой отпущенный срок.
Журавлей улетающих стаи,
Путь которых суров и далёк,

И пустые оглохшие гнёзда.
Но в преддверии скорой зимы
Всё становится будто бы поздно
И такие несчастные мы!

Родники

Городу Чапаевску посвящается

Где бы нас по земле ни носило,
Вдалеке от родных берегов,
Этот маленький город России
Манит песней своих родников.

Единит с ним и травка, и кустик,
И речушка с железным мостом.
Наша Родина нас не отпустит
Никогда: ни сейчас, ни потом.

Может, здесь и неяркие звёзды
Будоражат сердца и умы,
Да в свои возвращаются гнёзда
Журавли после долгой зимы.

Видно, правда, ни людям, ни птицам
Не порвать эту тонкую нить.
Здесь нам выпало счастье родиться,
Здесь и будем творить и любить!

Свою жизнь подвожу и итожу —
Суета бесконечных сует.
Эх, плеснуть бы мне в лампочку Божью
Свой, хоть малый, но всё-таки свет!

Тут же крикнут: «Ан нет, не пушаем!
Пусть, сердешная, небо коптит.
Много здесь прощелыг, и... вещают,
И народец сбивают с пути!»

И на суд также выставят скорый:
«То не это, и это не то!»
Я люблю же свой маленький город,
Как, быть может, не любит никто.

Для меня он Отчизна в квадрате,
То столицам большим не в укор.
Здесь живут мои сёстры и братья,
Да и я среди них до сих пор.

«Не мала ль, — кто-то спросит — Отчизна?»
И ответу: «Конечно же нет,
Коли здесь от рожденья до тризны
Оставляю чуть видимый след.

Пусть такой, ни на чей не похожий,
Возгорится опять, только тронь.
И я верю, что в лампочке Божьей
Никогда не потухнет огонь.

Готовы посох и сума,
Пора уже идти по свету,
А те, кто выжил из ума,
Любили тоже землю эту.

Её задумчивую грусть,
Лесов предзимнюю тревогу.
А что не сладилось — и пусть:
Мы все под Небом и под Богом.

И каждому — своя стезя,
Свои падения и росты,
Но забывать никак нельзя
Дождём омытые погосты,

Небес лазурный окаём,
Озёр хрустальную прохладу.
Покуда на земле живём,
Любить и помнить это надо.

Куда бы нас судьба ни заносила —
Так много в мире разных мест и стран, —
Но будет сниться по ночам Россия,
Берёз её манящий тонкий стан,

Бескрайность неба, солнечные дали,
В ромашках поле, синяя река...
В своей мы жизни много повидали,
Но ближе нет родного уголка.

Хотя живём не столь уж и богато,
Здесь зной пронизан золотым дождём,
И, отлюбив всё преданно и свято,
Мы в землю эту навсегда уйдём.

Родилась я, где сеют и жнут,
В отдалённом краю захолустном.
Там такие же люди живут
Небогато, смиренно и грустно,
Чья душа не зачахла от бед,
Кто под ветром не клонится встречным
И к земле аж с младенческих лет
Прикипает всерьёз и навечно.

Дело всё не в славе и награде,
А, впадая в смертельную кому,
Ради жизни и сущего ради
Режу душу свою по-живому.

Я несу в себе прошлого память.
Она в плоти, сознании, генах,
Как горящее вечное пламя,
И в грядущих вокруг переменах.

И опять, на изломе столетий,
Мне не выйти живою из боя.
А прикончат что те или эти,
Но всегда я, Отчизна, с тобою.

Лишь пригубить бы ветер свободы,
Самой сути, вгрызаясь до донца.
И любить вопреки, не в угоду,
До сгорания неба и солнца.

Если печаль между строк,
Мысль присягает побегу.
— Что ж ты идёшь без сапог
По ледящему снегу?!

Так за верстою верста.
Сладко идти из полона.
Не разомкнутся уста
Для утолённого стога.

И не порвётся струна,
Братские скреплятся нити.
— Помни, родная страна,
Кто твой герой и воитель!

А позабудешь — и пусть,
Мало нас сгинуло, что ли?!
Только бы знать наизусть
Каждую тропочку в поле,

Как хлопотлива пчела,
Кружево тонкой травинки,
Смахивать чтобы с чела
Слёзы твои и слезинки.

Лицедей

Смеются беспечно в ближайших рядах
И плачут всерьёз, кто подальше.
На пользу духовная эта игра,
Коль пьесу играют без фальши.

На сцене развязка и крики: «Ура!»
И врут, как всегда, лицедеи.
Но, в сущности, жизнь — это та же игра
Со смыслом своим и идеей.

И тех же баталий и горя не счесть.
— Спаси нас, Господь, проскочили...
Но всё ж не забыли понятие «честь».
Нас этому в школе учили.

Ещё — что не надо детей обижать
И тех, кому сиротливо и плохо,
И чтить свою землю, и кров свой, и мать
До слёз и последнего вздоха.

А значит, Отчизне цвести и расти
До небушка смело и рьяно.
А что уж не так, Бога ради прости,
Прости нас за всё, окаянных!

Победа

Манит улица юных в объятья,
Разжигая веселья костры.
Я шагаю в застиранном платье,
Что досталось от старшей сестры.

Поистёрлись подошвы сандалий,
Бабка штопать устала носки.
Но несёт меня в дальние дали,
Где не знают хандры и тоски.

Снова я, как и все, без обеда,
Нам нельзя отлучаться домой,
Мы играем в войну, и победа
Достаётся нелёгкой ценой.

А чуть позже по улице, строим,
Шаг чеканя, пройдемся легко.
Ну а мамки, дождавшись «героев»,
Всем отвесят в сердцах тумачков.

Нам же беды отныне не беды,
Ребятне победившей страны.
И глядят с фотографии деды,
Что домой не вернулись с войны.

Заветное слово

Моему деду Савелию посвящаю

С потемневшего старого фото
Дед всегда улыбается мне.
Мы же редко в делах и заботах
Вспоминаем о прошлой войне.

Но я мысленно снова и снова
Обращаюсь, коль горе-беда:
— Дед, скажи мне заветных два слова,
Хоть не знала тебя никогда.

Сколько новых пришло поколений
Со времён той далёкой войны.
Ты меня не держал на коленях,
Не берёг мои детские сны.

И не гладил шершавой ладонью
Шёлк девчоночьих русых волос.
А душа моя плачет и стонет,
Хоть никто и не видит тех слёз.

Мне терять в своей жизни не ново,
И летят, словно листья, года.
Я беднее на эти два слова,
Что не скажешь ты мне никогда.

И зачем свою жизнь я гублю
Среди чуждых привычек и люда,
Когда тихо, по-детски, люблю
Я крестьянскую хватку и удаль?

Речку Мочу, губашевский мост
И луга, что скосили под бритву,
И церквушку, и старый погост,
И от скорбей душевных молитву.

Я люблю, как шумит детвора,
И в цветастом убранстве иконы,
В этих избах и этих дворах
Русский дух, неподдельно-исконный.

Оттого на душе и светло:
Нет нигде такой дали и сини,
И живёт в моём сердце село
Отголосками прежней России.

Бежать от Родины негоже:
Она ж не мачеха, а мать,
Земля утешит и поможет,
Подарит сердцу благодать,

Девичьих песен отзвук дальний,
Что тихо за душу берёт,
Ведь в них живёт многострадальный,
Перевидавший всё народ,

Который строил, ладил, сеял —
Исконно здешний, а не гость.
У каждого своя Расея
И свой оплаканный погост,

Бренчанье вёдер у колодца,
Реки изгибы да степняк.
Без нас Россия обойдётся,
А мы без Родины — никак!

К небу тянутся звёздные реки,
След знакомый растаял во мгле.
Словно травка степная, навеки
Прирастаю к родимой земле.

Станет радостно мне или плохо,
Но я буду любить и тогда
До последнего самого вздоха
Эти вётлы и эти стога,

И на речке затерянный омут
С отражённою синью небес,
И лугов предрассветную дрёму,
И снегами завьюженный лес,

Тишину отдалённых погостов,
Деревень затаённую грусть,
Всё, что, может, зовётся и просто,
А для сердца волнующе — Русь!

Так много в мире пут, оков
И отголосков давней страсти,
Где клетки вьют из пёстрых слов,
Чтобы пленить людское счастье.

Дождь моет тропки добела,
И никому совсем нет дела,
Что где-то яблоня цвела,
А рядом женщина «горела».

И, выгорая до краёв,
До самой сути и до донца,
Она, разрушив гнёт оков,
Несла в наш мир Любовь и Солнце!

И было всё как и всегда:
Земля для дел привычных зрела,
Сплетались месяцы в года.

А где-то... женщина «горела».

Всё как будто бы
отмелькало.
Вон отбой вдалеке трубят.
Я по свету тебя искала,
Чтобы выплунуть из себя.

И порушить ловушки-сети,
Вырвать, выблевать,
изнурить
до костей, хрипоты, отметин,
что сплела золотая нить.

И по воле земного знака
Отрекаюсь на все века!
Что ж взялась ты, дурёха,
плакать —
перепуганная строка?!

Не дрожи, потерпи немного,
И ни «ах» не скажу, ни «ох».
Только держат ладони Бога
Всех таких вот, как я, дурёх.

Из чаши скорби пригублю,
Вернусь к себе из мнимых
странствий.

Я проклинаю и люблю
Своё немое постоянство.

Где мне одна досталась роль —
На гулком ждать вестей перроне,
Где мой развенчанный король
Сидит на вымышленном троне.

И где я жажду и боюсь,
Что цвет меж нас взорвётся алый,
Где разливаю тихо грусть
По хрупким тоненьким бокалам.

Где непощения стена
И воздух колкий и студёный,
И где не важно, чья вина,
И кто в итоге побеждённый.

Вздох вечерней звезды,
робость ласковых глаз,
неуёмная жажда вдогонку,
привкус скорой беды...
Как всё это меж нас
ненадёжно и хрупко, и тонко.

Я ищу твою тень,
я иду по пятам,
свою нежность качаю в ладонях.
Но рождается день,
где плачу по счетам,
а небесное в воздухе тонет.

И мотаю клубок
дел, ошибок и лиц,
Вдруг надежда, как выстрел:
«А если...»

Никому невдомёк:
в закоулках ресниц
дышит грусть недосказанной песни.

...Осень рыжим махнула хвостом —
Мечет листьями, словно стихами...
Нет, я снова пишу не о том,
Что петлёю сомкнуло дыханье.

Голос слышится с дальних сторон
И дробится на горькие «ахи»,
Может, это безудержный стон
Иль мои полуночные страхи?!

Я не знаю, что будет потом,
И не помню, как было вначале,
Только снится и снится мне дом
Нашей светлой любви и печали.

Не прогнать, словно кошку, беду,
Вот и жизнь догорает, как свечка.
— Хочешь, милый, к тебе я приду
И умру на ступеньках крылечка?!

Один лишь вздох, мазочек,
До самой сути и до донца.
Я видела, в глазах твоих
Плескалось утреннее солнце.

И пусть сложилось всё не так,
Оно смеялось и кричало,
И это был особый знак,
Чего-то важного начало.

Как не довериться цветам,
Что щебетали у окошка?!
Побудь со мной и тут, и там
Хотя б чуть-чуть, хотя б
немножко.

Вдали отбой уже трубят,
А мне бы радости напиться,
И жить с тобой и без тебя
Ещё учиться и учиться.

Изменится всё по прошествии лет.
И мы не близки, но ещё не далёки.
Рождаются тихо и робко на свет
Последней любви запоздалые строки.

Их вздох беззащитен, по-детски пуглив,
Не жаждут, не рушат, пощады не просят.
Чарует наряд позолоченный ив
В красивую нашу, последнюю осень.

Теперь я уже ничего не боюсь —
Ни чёрных котов и ни цифры «тринадцать»,
Как вдруг накрывает вселенская грусть,
Да птицы давно улетевшие снятся.

Но ты не печалься, не надо, мой друг,
Пусть солнце в озёрах безропотно тонет,
Душа ж, разорвав обречённости круг,
К твоей прикоснётся незримо ладони.

В степи ветра о лете заскорбели,
В багрянце лёгком трепетный листок.
Обиды я качаю в колыбели,
Мотая их в бессмысленный клубок.

Теряясь в омуте несметных правил,
Всплывает истина меж вечных «да» и «нет»,
А я вчера была чуть-чуть неправой,
Сегодня пью печали дней и лет.

И наполняясь новой тайной грустью
Своей насквозь истерзанной строки,
Ищу дорогу непрестанно к устью
И заплываю снова за буйки.

Пока восторг и слёзы не за гранью,
Пока замешан шаг не на крови,
В душе всегда есть место покаянью,
Большой надежде, солнечной любви.

Ты утонешь в моих,
                                словно ночи, глубоких объятьях,
Промелькнёт наша жизнь,
                                как цветное немое кино.
Ты запомнишь меня
                                и в горошинах розовых платьях,
И ещё поцелуй,
                                как щемящее душу вино.
Только чайка вдали
                                прокричит над водой не напрасно,
День ворвётся не тот,
                                да и ночи настанут не те.
Ты, как загнанный зверь,
                                непокорный, метущийся, властный,
Будешь раны копить
                                и от боли стонать в темноте.
Мне ж останется грусть,
                                уходить и опять возвращаться,
Безысходность глотать
                                и самой отдаваться суду,
И учиться прощать,
                                и терять, и навеки прощаться,
И сгорать, как листва
                                в опустевшем осеннем саду.

Только чуть я отныне робею.
Что не наше — забудь и сотри!
Я тебя отдышу, отопрею,
Сделай шаг ко мне, два или три.

Птаху счастья приручим мы хлебом
На излёте бессонных ночей.
— Хочешь, я упаду к тебе с Неба
И усну, как дитя, на плече.

И с мечтой, сумасшедшею самой,
Наша связь так фатально близка.
Мы построим серебряный замок,
Пусть и скажут потом: «Из песка».

Огорчения чаши минуя,
Я венок из желаний совью.
Как пугливы мои поцелуй!
— I love you... I love you... I love you...

У тебя всё иначе, не так,
Чтоб по полочкам: крыло и грело.
Ах, какой ты, однако, дурак!
Где черно, там не красится белым.

А просящим у нас не дадут,
И в природе всегда катаклизмы.
Что же «кони бегут и бегут,
И горят неизменные избы!»

Разве будет когда-то конец
Этой серости, скуки и мути?!
Надо жить до остуды сердец!
Самой кровной и праведной сути!

До паденья небес и земли!
Светлой грусти и горестной муки!
Что жило и угасло вдали!
И до смертной любви и разлуки!

До потери души и лица —
Этой скучной и правильной морды!
До блевотины! Комы! Конца!
Хрипоты! И... разрыва аорты!!!

Не важно, солнце ли
                                за окнами, мороз,
Откуда эта в сердце грусть?
Я утонуть в тебе
                                до кончиков волос
Боюсь!
       Боюсь!
              Боюсь!
                    Боюсь!

Мне слышится дыханье
сонных птиц
И вздох колосьев спелой ржи,
Что селятся
на краешках страниц
Великой книги
под названием «Жизнь».

Я знаю твою боль и горечью
избитое лицо,
И пульс сердец в иных мирах.
Ты ловишь мою тень
ладонями в кольцо
И на коленях
мой ласкаешь страх.

Ах, не верь ты слезам:
                                это всё ерунда, оболочка.
И не верь ты словам:
                                они тоже безжалостно лгут.
И пока между нами не выросла жирная точка,
Поцелуи ловлю,
                                что крушат и отчаянно жгут.

Я приду на заре,
                                буду бегать от моря до моря
И ноздрями ловить
                                воздух ветреный твой.
Слаще нет для меня и желаннее тихого горя,
Чем проситься опять
                                редким гостем к тебе на постой.

А потом убегать, улетать,
                                в синеве растворяться,
Уносить в волосах
                                твои слёзы, отчаянья крик
И легко умирать, чтобы вновь для любви
                                возродиться,
И ценить эту жизнь —
                                самый сладостный, в сущности, миг.

Счастлив? Счастлив! А может, не очень...
К счастью путь и далёк, и непрост.
Я дарю тебе таинство ночи
В ярких брызгах серебряных звёзд.

Тихий свет и тепло у камина,
И молчания долгого крик,
И снежинок пушистых лавины,
Пусть на нóчь, на часы или миг.

И волшебные звуки рояля,
Грусть и трепет несбывшихся встреч,
Что имели и что потеряли,
И всё, что не смогли уберечь.

* * *

Где любились мы —
стынь да вороны,
Глухомань вокруг
на все стороны.
Прочь скорей иди,
коль негожа я,
Не рукастая,
с тонкой кожей.
Как расстались мы
под осиною,
Ох, и плакала,
голосила я.
Мне б вздохнуть вечор
духа банного
И забыть тебя,
окаянного.
Что ты был, что нет —
чтоб без разницы,
С сердца вытравить
и не кáзниться.

Слышишь, слышишь?
Конечно же слышишь!
Это звуки забытой свирели,
когда плачем,
смеёмся и дышим
на волне и одной параллели.

Время шаг
обречённо чеканит.
Перед ним мы бессильны и кротки.
Всё уйдёт,
испарится и канет,
но останутся дивные нотки

нашей светлой
любви и печали.
На пути непролазном и млечном
обездушили нас,
развенчали
на мгновенье и целую вечность.

В небо утро
над садом и крышей
вдохновенные льёт акварели.
Слышишь, слышишь?
Конечно же слышишь!
Это звуки поющей свирели...

Заблудилась ночная звезда
В небе, сшитом из тонкого ситца.
Мои годы — большая вода,
Мои чувства — пленённые птицы.

Поздно вить паутину из слов,
Строить замок своими руками,
Ведь сюжет наших жизней не нов
И в песок превращается камень.

Я теряю начало начал,
Ни в тебе я, а так, где-то между,
И уходит под воду причал
Моей светлой любви и надежды.

Всё порушу, поставлю вверх дном,
Стану вечной для грусти мишенью,
И лишь память сейчас и потом
Будет долгим душе утешеньем.

Прости

Я привыкаю к слову «нет»,
Почти не жду вестей вчерашних,
И новый заискрится свет
Над пробуждающейся пашней.

А ты прости, что не смогла,
Не угадала, не сумела...
И всё, над чем сгущалась мгла,
Я рисовала краской белой.

Прости за ненадёжный кров
И губ пугливую невинность,
И двух отчаянных миров
Скитаний вечных очевидность.

За мыслей спёкшихся клубок,
Души неловкое движение —
Неутешительный итог
Победы или поражения?!

Прости смущение в крови,
Что день, как лист увядший, скомкан,
Ещё за то, что о любви
Сказала просто и негромко.

В ветках берёз заблудился мой сон,
Ночь раскололась на части,
Мне, когда пели с тобой в унисон,
Верилось: «Вот оно, счастье!»

Ты на меня незаметно бросал
Робкие тихие взоры,
Змейкою белой вилась полоса
И заплеталась в узоры.

Ты говорил и про это, и то,
Рвал все гнетущие цепи,
Пахло твоё голубое пальто
Ветром, дождями и степью.

Сказка рождалась одна на двоих,
В чашках — дымящийся кофе,
Мой ускользящий трепетный штрих
Гладил божественный профиль.

Всё утекло, и уже на дворе
Время утрат и прощений,
Стал мне тот давний набросок-портрет
Вечным душе утешеньем.

* * *

*А счастья не было — и нет,
Хоть в этом больше нет сомнений...*

А. Блок

Что мне бегущие года
И эта родинка над бровью?!
А я опять, как и тогда,
Больна безропотно любовью.

Грустинки мягкие у рта,
И это тихое дыханье.
Кто знает, где она, черта,
Что тяжела для пониманья?

И за неё нельзя, табу!
Где правда, ложь и быль, и небыль?
А я на собственном горбу
Несу тоскующее небо.

Всё мной изучено до дыр,
Но что за жизнь без звонких песен!
И без тебя весь этот мир
До тошноты не интересен.

Наверно, правда, счастья нет!
Но средь сует и серых буден
Вдруг брызнет вишен пенный цвет,
А остальное — будь что будет.

Ворвался пламенем зари,
Вошёл ты в душу звонкой песней,
Хоть ничего не говорил
О жизни, прожитой не вместе.

Зачем мне знать, я не хочу,
О том, что должно и как надо?!
Я цену горькую плачу
За эту кротость листопада.

Твои глаза — живой родник,
Они без слов всё скажут сами.
Нас возраст осени роднит,
О чём жалеть? Всё наше — с нами.

И я то плачу, то смеюсь,
На сердце радостно и звёздно.
О счастье ты моё, о грусть,
Зачем же встретились так поздно!..

Начать бы с новой нам строки
И не пенять на «непогоду»,
Но совершаю вопреки
И настроению в угодую.

Что Ахиллесова пята,
Коль рвётся там всегда, где тонко,
И вкралась в душу мне не та,
Совсем не та — глухая нотка.

Переплетутся «нет» и «да»,
Рождая пропасть между нами,
Сгорит вечерняя звезда
И превратится в мёртвый камень.

Из мира страха и теней
Спешу к прокуренным вокзалам.
Всё у меня с предлогом «не» —
Не удержала, не связала...

А значит, пить ночную грусть
И позабыть, что сердцу мило,
Не потому ли отдаюсь
Теперь на суд и Божью милость.

И что считать шаги во ржи?!
Любовь не пойманная птица,
Над миром тихо покружит
И никогда не возвратится.

Зачем внимать тому, что скажут звёзды,
Радеть, гадать, молиться на луну,
Когда чужое счастье свило гнёзда,
Где пили мы неспешно тишину.

Там небо пряло дождевые нити,
Цветами пахло, зноем и рекой,
А солнце сладко нежилось в зените,
И тронуть мы могли его рукой.

К нам приближались трепетные дали,
А ночи были скоры и черны,
Но все травинки в поле понимали,
Что мы с тобой уже обречены.

Об этом птицы в небе прокричали,
Вздохнул ковыль сочувственно: «Конец».
Теперь черпать не исчерпать печали
С колодца памяти отчаянных сердец.

Оглох давно уже причал,
В реке лишь тонет неба просинь.
Зачем ты тихо постучал
В мою заплаканную осень?

Пожмёшь плечами. Это — жизнь,
Где с каждым днём плотнее тени
И лист на веточке дрожит
За миг до вечного паденья.

Прошелестит о чём-то дождь,
И всё покажется как прежде.
Но что ты ищешь здесь и ждёшь —
Глоток оттаявшей надежды?

Заплачет горестно хрусталь
И, всколыхнув напиток звёздный,
Протяжно выдохнет: «Как жаль!..» —
Чтобы услышать: «Поздно, поздно!»

В неуловимом «нет» и «да»
Всё наше медленно потонет,
И ты исчезнешь навсегда,
Испив тепло моих ладоней.

И потому на много лет
Мне, вдруг окутавшейся в пламень,
Останется далёкий свет —
Слезами выжженная память.

Межсезонье, межсезонье...
Хмурых дней пришла пора.
Не согреть уже ладоней
У потухшего костра.

Перевернута страница.
Подвожу, увы, итог.
Всё смешалось: даты, лица —
В грусти пройденных дорог.

Мир твой больше не нарушу,
Не вернусь уже назад,
Сиротливо смотрят в душу
Поздней осени глаза.

В листьях берёз, в запустелом саду
Розовый прячется вечер.
Крылья сложив, я к тебе упаду
Птицей усталой на плечи.

Всем в этом мире цвести до поры,
Может, не так ещё поздно?
В небо взмывают за счастьем орлы,
Прямо к негаснущим звёздам.

Мне ль за орлами угнаться теперь,
Можно ли быть непокорной?
Если, устав после долгих потерь,
Держат земли моей корни:

Вётлы, река и угрюмый погост,
Поле, пронзённое светом.
Коль и любила я небо до слёз —
Ах, как давно было это!

Как длинны беспросветные ночи,
Но ещё тяжелей вечера.
Моё «завтра» разорвано в клочья,
И нет места в минувшем «вчера».

Я скрываюсь в потерянном прошлом.
Рада в рай, да грехи не дают.
Мне б подумать сейчас о хорошем,
Обрести хоть на время приют.

Разорвав все гнетущие цепи,
Не сойти бы при этом с ума.
Кто бездарно судьбу мою лепит?
— Ах, простите, леплю я сама.

Видно, мастер я, но захудалый,
Или глина попалась не та.
Быть счастливой уже запоздала,
А несчастной — одна маета!

Там, где сосны-великаны,
Дом бревенчатый с трубой,
Кто-то машет из тумана
И зовёт меня с собой.

Что за странная забава
Или грустная игра?
Как любовная отравка,
Что уводит со двора.

Неподвластная рассудку,
Эта сила правит всем.
Выйду только на минутку —
Затеряюсь насовсем.

Перепутав зиму с летом
И где чёт, а где нечёт,
Так смешаю тьму со светом,
Что и чёрт не разберёт.

Карта, знать, ещё не бита,
Закружилась голова.
Всё, что было, позабыто,
А что будет — трын-трава!

Счастье

Что-то очень грустной стала:
Всё тревоги да напасти.
Разобраться ж — очень мало
Нужно женщине для счастья:

Чтоб прошли невзгоды мимо,
Чтоб здоровы были дети,
А желанный и любимый
Звал единственной на свете.

Ты смотришь устало, любимый?
Ну, что же, давай помолчим.
Любовь моя — словно рябина,
Наверное, так же горчит.

В ней все мои ранние слёзы,
В ней боль неизбежных утрат.
Я слышу, как плачут берёзы,
Теряя последний наряд.

И в медленном листьев круженье,
Загадочном танце теней
Как будто судьбы отраженье
И жизни, твоей и моей.

Грустит за окошком дорога,
Изгиб её тает в ночи.
Прошу я тебя, ради Бога,
Давай помолчим, помолчим.

* * *

Твои глаза,
а в них усталость,
И свет, стихающий вдали.
Кто знает,
много ли осталось
По весям жизненным пылить?

В суму краюху
бросим хлеба.
Да что, по сути, наша жизнь?
Что ищем мы — любви
под Небом
Иль от любви сейчас бежим?!

Замедлив ход
на переправе,
переведём неспешно дух.
Зачем нам знать,
кто был неправым,
Зачем о том прилюдно, вслух?!

Прольётся в реку
неба алость,
Рассохнут лодки на мели.
Твои глаза,
и в них усталость,
И свет, стихающий вдали...

Кружились листья и цветы,
Склонялось солнце надо мною,
А мы парили — я и ты
Меж небом томным и землёю.

Мир так божественен и тих,
Когда граничит с явью небыль.
Я видела, в глазах твоих
Плескался синий омут неба.

Никто не ждал угроз зимы,
Казалось, всё ещё в начале.
Как безмятежны были мы
В преддверье будущей печали.

Я губами ловлю
                                горький запах отцветшей полыни,
Дремлет в лужах седых
                                отражение высоких миров.
Мне не страшно уже,
                                мне покойно на сердце отныне
И тепло до сих пор
                                от потухших когда-то костров.

Ты меня не ищи,
                                чтоб раздвинуть до неба объятья,
Утонуть в моей бездне
                                шелково-курчавых волос.
Мы с тобою теперь
                                по несчастью кровные братья,
Когда поезд бежит
                                и несёт ездоков под откос.

А я буду везде
                                горевать и, конечно, смеяться
До сгорания дня
                                и скончания суровых веков.
Ты меня не зови:
                                не пристало туда возвращаться,
Где забыть не могу
                                и простить до конца нелегко.

Ну, вот и всё, погашены огни,
И лишь вдали тревожна неба алость.
А ты постой и время не гони,
Позволь испить мне губ твоих усталость.

Ещё любовь, не знавшую границ,
Не залпом чтобы, малыми глотками.
Мои надежды — стаи белых птиц,
Хранимые до веку облаками.

— Ничто не вечно,— так мудрец сказал.
Зима придёт, неотвратимы сроки,
И выстудит до донышка глаза,
И даст свои бесценные уроки.

Но брать на веру это не спеши,
Ведь в мире нет неоспоримых истин.
Ты слышишь, слышишь, как легко с души
Срываются и опадают листья?

Чтоб, встретив вместе новую зарю,
Опять взорваться яблоневым цветом,
И я тебя, любовь, благодарю
За всё, за всё, а более — за это!

Ни укором, ни советом
Не противиться судьбе,
Но летит моя планета
Прямо под ноги тебе.

И глаза как неба ситец.
Ни мертва и ни жива.
В прошлом — порванные нити,
Нынче — вяжут кружева.

Не напрасно ль?
Кто обманет
И пробьётся чрез броню?
Сердце в маленьком кармане,
Словно птаху, я храню.

И не дам ему я воли,
Не скажу: «Лети, лети...»
Поле вспаханное боли,
И заказаны пути

В ту страну, где счастье-малость
Вило гнёзда. Верь не верь,
Я с тобой не торговалась,
Не торгуюсь и теперь.

* * *

Какое счастье, что ты есть!
Люблю тебя
и всё же раню.
Сейчас как будто бы
я здесь,
но кажется, уже за гранью

любви, стихов и бытия,
и этих милых
сердцу буден.
— Гляди, любимый,
это — я,
через мгновение не будет

ни буйства света, ни огня,
ни губ
пугливое дыханья,
И вот тогда
ищи меня
по весям тайным
мироздания.
Какое счастье, что ты есть!

Не вспомнить мне имён и лиц,
Свое терзание и сомнение.
Я так люблю смотреть на птиц
И слушать их сердцебиенье.

Они повсюду, там и тут,
А ты присядь и тоже слушай.
К тебе опять на высший суд
Несу израненную душу.

Ты ничего не говори,
Письмо черкни в простом конверте.
День новый в отсветах зари
Влюблённым дарует бессмертье.

И на вопрос не отвечай.
Слова, как воздух, бестелесны.
Гори, гори, моя свеча —
Приют надежды поднебесной.

Перелистана спешно страница,
И я падаю молча на дно,
Чтоб опять собирать по крупичам
И любви моей ткать полотно.

Тихой боли ничем не нарушив,
Я вплетаю грустинки в узор.
И воспрянут пропащие души,
И потухший засветится взор.

Только я отпираться не буду,
Лишь подступит обугленный лес,
Как мне верилось в светлое Чудо,
Что явилось с глазами небес.

У любви не бывает границы,
Не мельчает её благодать,
И слетаются звёздные птицы
Моё робкое счастье клевать.

Загадаю нечаянно: «Мне бы
Пить и пить этой памяти воду».
И откликнется вечное небо,
И погладит ладошкой Господь.

Содержание

Всё это было у меня.....	3
«А этот маленький причал...»	4
«То кресты начерчу, то нули...»	5
«Лет протекших штрихи и приметы...»	6
«Я мотаю в клубочки года...»	7
«А мне давным-давно не тридцать...»	8
«Как безлюден и тих мой дом...»	9
«Я книгу вечности листаю...»	10
«Может, сбудутся скоро пророчества...»	11
«Пусть день, растревоженный смутой...»	12
«Было много всего или мало...»	13
«Не прячь усталого лица...»	14
«Молчи, молчи, не отвечай...»	15
«Всё, что должно, свершится, и пусть!..»	16
Не исчезай	17
«Всё бывает однажды поздно...»	18
Утро	19
«А мы такие не одни...»	20
«Не хочу ни картинок, ни хлеба...»	21
«День прожитый в сумерках тонет...»	22
«Тонут звёзды в предутренней мгле...»	24
Дядя Ваня	25
«В тарелке хлеб, селёдка, сыр...»	26
«Пусть я маленькая сошка...»	27
«Хорошо, что не мёртвый, живой...»	28
«Завешу лампы, окна срочно...»	30
«Прямо к звёздам несут мои кони...»	31
«Плесни в бокал напиток винный...»	32

«Разыскать бы затерянный остров...»	33
Жизнь.....	34
«А жизнь словно гонки по длинному кругу...»	35
«Повсюду лица, лица, лица...»	36
«А жизнь — насмешка иль игра...»	38
«Зачем вы поёте нездешние песни...»	39
«Догораю тихо, словно...»	40
«А когда ещё не было поздно...»	41
«Дорожки, тропочки, пути...»	42
«И я жила, топтала вёрсты...»	43
«Что ж ты замер, словно пень...»	44
«Мне бы только теперь не пасть...»	45
«Уйти в себя: там как на дне...»	46
«В жизни всё совсем не просто...»	47
«Идут века — всё те же лица...»	48
Улететь бы	49
«Её он бросил, точно бросил!..»	50
«Я хожу всё по краю, по краю...»	51
«Какая странная усталость...»	52
Горит в миру небесная свеча	54
«Осень дарит деревьям наряд...»	55
«Все вроде послушны: и встали, и сели...»	56
«Посмотри в высоту без опаски...»	57
«Дверь открываю, да не ту...»	58
«Какая миром движет сила...»	59
Старики	60
Одиночество.....	62
«Много дыма, мало света...»	63
«Нам объявили: «Люди — братья...»	64
«Повсюду суровые лица...»	65
«Давний грех не сор в дому...»	66
«Может, да если бы...»	67
«Он по двору с метлой кружит...»	68

«Не отрекайся и слёзы утри...».....	70
«Беду не пускать бы домой на порог...»	71
«Нас время и било, и мяло...»	72
Лирик.....	73
«А жизнь смешна, забавна наша роль...»	74
«Идём вперёд, не поднимая глаз...»	75
«Рассеется скоро полночная мгла...».....	76
«В прошлом всё и желанно, и мило...»	77
«Я грустить понапрасну не буду...»	78
«Потонут звёзды в сумеречной мгле...»	79
«Знать хотим, а знаем мало...»	80
«Мир вокруг и радостен, и светел...»	81
«Умирать ещё вроде бы рано...»	82
«Бьёт привычно с размаху, сплеча...».....	83
«Снять бы с голов...»	84
«Своей жизни не счесть страницы...»	86
«Зачем всё это в мире звонком, вечном...».....	87
«Всерьёз не думала, конечно...»	88
«Замыкается снова кольцо...».....	89
Услышать дыхание птиц	90
«Шорох листьев о чём-то вещает...».....	91
Утро	92
Звезда.....	93
«Тая неясную тревогу...»	94
«Омолодился сразу лес...»	95
Вечер	96
«Шёпот ветра. Паутинки...»	97
«Бьётся ветер — удар его хлёсткий...»	98
«Может, правда, оплакивать поздно...».....	99
Родники	100
«Свою жизнь подвожу и итожу...»	101
«Готовы посох и сума...»	102
«Куда бы нас судьба ни заносила...»	103

«Родилась я, где сеют и жнут...»	104
«Дело всё не в славе и награде...»	105
«Если печаль между строк...»	106
Лищедеи.....	107
Победа	108
Заветное слово.....	109
«И зачем свою жизнь я гублю...»	110
«Бежать от Родины негоже...»	111
«К небу тянутся звёздные реки...»	112
«Так много в мире пут, оков...»	113
«Всё как будто бы отмелькало...»	114
«Из чаши скорби пригублю...»	115
«Вдох вечерней звезды...»	116
«...Осень рыжим махнула хвостом...»	117
«Один лишь вздох, мазочек, штрих...»	118
«Изменится всё по прошествии лет...»	119
«В степи ветра о лете заскорбели...»	120
«Ты утонешь в моих...»	121
«Только чуть я отныне ролею...»	122
«У тебя всё иначе, не так...»	123
«Не важно, солнце ли за окнами, мороз...»	124
«Ах, не верь ты слезам...»	125
«Счастлив? Счастлив! А может, не очень...»	126
«Где любили мы — стынъ да вороны...»	127
«Слышишь, слышишь?...»	128
«Заблудилась ночная звезда...»	129
«Пусть жизнь убежит, как большая вода...»	130
Прости.....	131
«В ветках берёз заблудился мой сон...»	132
«Что мне бегущие года...»	133
«Ворвался пламенем зари...»	134
«Начать бы с новой нам строки...»	135
«Зачем внимать тому, что скажут звёзды...»	136

Стараюсь быть я твёрдой	137
«Оглох давно уже причал...»	138
«Межсезонье, межсезонье...»	139
«В листьях берёз, в запустелом саду...»	140
«Как длинны беспросветные ночи...»	141
«Там, где сосны-великаны...»	142
Счастье	143
«Ты смотришь устало, любимый?...»	144
«Твои глаза, а в них усталость...»	145
«Кружились листья и цветы...»	146
«Я губами ловлю горький запах отцветшей полыни...»	147
«Ну, вот и всё, погашены огни...»	148
«Ни укором, ни советом...»	149
«Какое счастье, что ты есть!..»	150
«Не вспомнить мне имён и лиц...»	151
«На задремавшую планету...»	152
«Перелистана спешно страница...»	153

*Книга издана за счёт средств бюджета
Самарской области*

Самарская областная писательская организация
искренне благодарит за поддержку и помощь
в реализации проекта
«Народная библиотека Самарской губернии»
**Министерство культуры Самарской области
и Самарскую областную универсальную
научную библиотеку**

Руководитель проекта
«Народная библиотека Самарской губернии»
Александр Громов

Литературно-художественное издание

Татьяна Вениаминовна Кижайкина

ДЛЯ ТОГО И ЖИВЁМ

Стихи

Компьютерная вёрстка — *Александр Громов*

Корректор — *Алексей Сыромятников*

Издание подготовлено издательством

«Русское эхо»

Самарской областной писательской организации

Адрес: 443001, г. Самара, ул. Самарская, 179,
телефон (846) 333-48-01; www.litsamara.com

Подписано в печать 15.09.2021. Формат издания 70х100/₃₂.

Объём 6,5 печ.л. Гарнитура Warnock Pro. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Медиа-Книга»

443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1; тел.: (846) 267-36-82

e-mail: izdatkniga@yandex.ru